

Фаттах ХАЛЫКЗАДЕ

Доктор философии по искусствоведению, профессор

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА ФАИКА ЧЕЛЕБИ

Пролог. Азербайджанская музыкальная культура и научная общественность понесла тяжёлую утрату. Не стало этномузыковеда, фольклориста, филолога, педагога и исполнителя-тариста, доктора искусствоведческих наук, профессора Фаика Челеби (Челебиева, 1948-2020). Родившийся в Шеки, он получил среднее и высшее музыкальное образование в Баку, а в дальнейшем учился в аспирантуре знаменитого Ленинградского государственного института Театра, Музыки и Кино (ЛГИТМК). Долгое время сотрудничал в Российском Государственном Педагогическом Университете имени А.И.Герцена, занимая должность профессора.

Достойный сын своего народа, он покинул мир в полном расцвете сил, молодым, здоровым и энергичным. Сколько ещё он сделал бы для развития музыки, этномузыкального и фольклористического не только в Азербайджане и Санкт-Петербурге, но также и в более крупных масштабах мировой науки, если бы не страшная болезнь. Перед самым уходом он всё-таки сумел собрать все свои оставшиеся силы и непоколебимый дух, чтобы совершить поистине героический подвиг - завершить своё последнее послание *рисале*, на сей раз в области филологического эпосоведения.

Взявшись за перо, чтобы отдать дань уважения замечательному ученому, доброму учителю, другу и соратнику, всегда бодрому и оптимистичному, я вдруг остановился. Уж очень больно было писать об огромных заслугах и достижениях жизнерадостного и энергичного азербайджанца из Питера в прошедшем времени. Ведь мы всегда привыкли видеть яркий образ Фаик муэллима в гуще событий, среди родных и друзей, учеников и поклонников его незаурядного таланта.

Прекрасный учёный-этномузыковед, великолепный знаток и исполнитель классических азербайджанских мугамов, фольклорист широчайшего профиля, филолог от Бога - такое сочетание различных и, казалось бы, несовместимых сфер деятельности делают его личность уникальной и неповторимой не только для Азербайджана и города на Неве, ставшего второй Родиной Фаика Челеби. Талантом и яркой личностью музыканта восхищались все те, кто хоть один раз слушал прекрасные исполнения, увлекательные лекции и доклады, а иной раз острые полемические дискуссии вдохновенного артиста и серьёзного учёного.

Можно подумать, что учёный-музыкант разносторонних и масштабных интересов, должен был иметь несколько дипломов о высшем образовании. Однако, как и в жизни многих необычайно талантливых людей, образование имело для Фаика отнюдь не главную роль. Великая тайна феномена Фаика Челеби в том то и заключается, что он познал все отмеченные отрасли науки своей кипучей деятельностью самостоятельно, активным творческим отношением к художественному наследию прошлого. Благодаря своему живому и пытливому уму, способности к тонким наблюдениям и постоянному стремлению понять и объяснить услышанное, увиденное и исполненное, он успешно изучал и фольклор (музыку, словесность и танцы), и мугамное искусство, и эпос, различные и другие области этнографии культуры. И в течение всей жизни, начиная с детских лет, вплоть до завоевания высоких вершин науки и искусства, неизменно испытывал радость общения и с простым народом, и крупными мастерами, чтобы с высокой честью выполнить основную миссию - верно служить народу, музыке и культуре.

Любовь Фаика к фольклору пробудилось ещё в раннем детстве. Смышлёный мальчик с огромным удовольствием слушал прекрасные фольклорные образцы от своей любимой бабушки - *Фирузэ нэнэ*, в том числе *баяты* (четверостишие) удивительной простоты, философской мудрости и силы эмоционального воздействия. И благодарный внук спустя много лет скажет: «*Фирузэ нэнэ* сделала меня фольклористом».

Əziziyəm baxmaxdan

Sağa-sola baxmaxdan

Nə sən yoldan əskiy ol,

Nə mən yola baxmaxdan

Как ёмкое по смыслу содержание простого четверостишия созвучно с трудной и трогательной судьбой блестящего музыканта - шекинцы всегда с нетерпением смотрели на путь, по которой их гордость регулярно возвращался из дальнего Санкт-Петербурга. Увы, в последние годы все ожидания друзей и коллег оказались тщетными...

Страстное желание познать народную мудрость во всех её разнообразных проявлениях – основное дело всей жизни, которое Фаик Челеби и выполнял с большой честью и любовью.

Активная работа по собиранию и изучению богатейшего фольклора, в том числе и «великолепного искусства зурначи» (Ф.Челеби), практическое и неустанное освоение мугамного исполнительства у видного мастера Бахрама Мансурова и других, огромные филологические интересы плюс многое другое вместе с интеллектуальным развитием молодого Фаика стали, по существу, настоящей школой этномузыказнания, которую он проходил самостоятельно.

Однако о существовании новой дисциплины ни он, ни и его любимые учителя ещё не имели достаточного представления. Ибо долгое время в СССР, в т.ч. в Азербайджане специальные курсы по этномузыкалогии не функционировали, чем и можно объяснить позднее поступление талантливого музыканта и исследователя в консерваторию. Он нашел себя достаточно рано, а вуз, точнее факультет, соответствующий его призванию, удалось определить не сразу – и блестящую школу новой дисциплины он прошёл лишь намного позже, в городе на Неве, в аспирантуре ЛГИТМК.

Яркий представитель азербайджанского этномузыказнания последних сорока лет, Ф.Челеби, в числе первых и немногих энтузиастов данной научной сферы, определил новую веху в её развитии. После У.Гаджибейли, наступил следующий этап в развитии музыкальной науки в Азербайджане (1950-1980), когда молодые силы стали активно осваивать различные жанры устно-традиционной музыки с позиций фольклористики или теории музыки. Однако оригинальные научные традиции гениального Узеир бека, в том числе его этномузыкаведческие идеи не сразу нашли должного продолжения, что было вполне естественным, ибо неисчерпаемый потенциал научных воззрений художника и учёного даже в настоящее время ещё не раскрыт в полной мере.

Возрождение этномузыказнания в республике шло медленно и опиралось на достижения российской научной школы, часто сталкиваясь с немалыми трудностями со стороны рутинных музыкальных теоретиков и фольклористов. Яркая индивидуальность Фаика помогли ему встать на путь этномузыкаведческих исканий ещё довольно в молодые годы. Например, одна из последних статей ученого, написанная в 2015 году, однозначно свидетельствует о его ранней увлеченности великолепной школой

зурначи одного Шеки и открытии им неизученного архаического пласта народного музыкально-танцевального искусства. В то время начинающему исследователю было всего 23 года. «Мною же в 1971 г. записаны два танцевальных дастгяха с игры другого выдающегося зурначи из Шеки Габibuллы Джафарова (1896-1987)» - писал Ф.Челеби (8, с.151) Думается, что год записи дастгяхов указанного типа можно считать ярким началом его успешной деятельности в области этномузыказнания, которая продолжалась в течении полувека.

При всем том, Фаик лишь в свои 32 года стал студентом Азербайджанской государственной консерватории им.У.Гаджибекова, где проучился пять лет. С другой стороны, благодаря активной практической работе и не по летам богатому опыту, восходящая звезда азербайджанского этномузыказнания явно опережала многих педагогов, маститых музыковедов со степенью и регалиями.

В раскрытии исполнительского и научного потенциала Ф.Челеби большую роль сыграли видные музыканты – ученики У.Гаджибейли, композитор и дирижёр Сеид Рустамов (класс *тара*) и музыковед, профессор Мамед Салех Исмаилов, который вел предмет «Основы азербайджанской народной музыки».

Звезда Ф.Челеби-этномузыковеда ярко загорелась тогда, когда он, благодаря представителям ленинградской научной школы, и в первую очередь, учёному с мировым именем, профессору И.И. Земцовскому ясно осознал прямое предназначение своей многосторонней деятельности к данной сфере научной дисциплины. И для постоянного усовершенствования методологической базы своих исследований (и этномузыкаведческих, и филологических) Ф.Челеби нуждался в благодатной научной атмосфере С.Петербурга. В прекрасном городе на Неве он провёл более тридцати лет своей жизни, наполненной активными творческими исканиями и открытиями.

По году рождения Ф.Челеби не мог видеть выдающегося композитора и ученого У.Гаджибейли, но смог стать духовным наследником, или «духовным внуком», как он сам удачно выразился в статье «Об одном взгляде на Шекинский фольклор» (5). И дело заключается не только в заимствовании начальной фразы из названия удивительно богатой по содержанию статьи великого Узеир бека, а во всеобъемлющем охвате объекта исследования. Если У.Гаджибейли удалось гениально обобщить *традиционную музыкальную жизнь Азербайджана*, то Ф.Челеби оставаясь в пределах родного края, смело и с великолепным знанием огромных материалов вышел за рамки одного вида народного творчества – фольклора музыкального.

Исследуя мугамные традиции с позиций современных научных требований, Ф.Челеби также был последователем традиций Узеир бека Га-

джибейли. Думаю, что проведение параллелей между дедом и внуком не только правомерно, но и необходимо.

Вспомним, что У.Гаджибейли в 1920-годы удалось открыть в консерватории отделение Восточной музыки, что дает нам право называть композитора пионером *институционализации традиционной музыки* во всём мире - ведь до того времени исполнительству на народных музыкальных инструментах не обучали ни в одной консерватории. Помимо этого, изучение мугама он вполне резонно связывал не с музыковедами, воспитанными на традициях европейской музыки, а с исполнителями на народных инструментах. «Тар, самый ценный и самый важный из инструментов, сможет расширить восточное музыкальное образование. Музыкальная школа (консерватория – Ф.Х.) подходит к тару с научной точки зрения и вводит его в свою программу как инструмент, раскрывающий возможности мугамов – этой основы восточной музыки” писал У.Гаджибеков в статье «Музыкальный прогресс в Азербайджане» (1, с.203).

К сожалению, по различным объективным и субъективным причинам, эта идея выдающегося композитора долгое время оставалось нереализованной. Дальновидность оригинальной идеи предполагала выполнение двух важнейших и трудных задач: 1. Исследованием мугамного искусства в первую очередь должны заниматься сами исполнители. 2. Удовлетворительное решение этой задачи требовало органического единства теории и практики классической музыки устной традиции.

Однако система музыкального образования готовила (да и сейчас готовит) специалистов одного профиля, исполнителей либо музыковедов, которым в отдельности трудно выполнять задачу, поставленную «основоположником азербайджанского этномузыкального знания» (А.Гусейнова). Более того, очень часто изучение мугамов возлагалась на музыковедов, что шло в разрез с идеей Узеир бека и естественно оказалось, мягко говоря, не вполне успешным.

Далее, с распространением в бывшем Советском Союзе новой и самостоятельной научной дисциплины (т.е. этномузыкального знания, что начиналось приблизительно с последней четверти прошлого века) задача ещё больше осложнилась в связи с необходимостью применения более совершенных методик западной школы – исследование музыки с помощью достаточно развитых исполнительских навыков, а также посредством личных наблюдений самого участника (т.н. *participant-observation*) Данный подход, предъявляющий дополнительные трудности для классического музыковедения, было, однако, под силу для Фаика, к тому времени сделавшего успешные шаги во многих областях фольклорных и этномузыкальных исследований, основанных на исполнительской практике (*practice-based research*).

Труды Ф.Челеби – новый этап мугамоведения, сущность которого заключается, на мой взгляд, в единстве теории и практики мугамного искусства с привлечением современных методов этномузыковедческой науки. Подняться до уровня уникальных исследований Ф.Челеби может стать основной целью будущих специалистов.

Человек неуёмной энергии и творческих поисков, доктор Ф.Челеби благодаря природной музыкальности и интеллигентности был постоянно нацелен на познание богатейшей сокровищницы древней азербайджанской культуры и искусства, будь то классические мугамы или темпераментные танцы, ашыгские дастаны или великолепное искусство зурначей, многокрасочное ковроделие или фольклорные игры-представления, обряды, традиции и обычаи и т.д. и т.п.

Мне посчастливилось дружить с замечательным музыкантом почти сорок лет, начиная с 1983 года, по возвращении с аспирантуры Московской государственной консерватории имени П.И.Чайковского.

В то время о студенте третьего курса АГК ходили легенды. «Лучше услышать имя джигита, чем знать его в лицо», или «Не нужно видеть джигита, достаточно услышать его имя»- почти дословный перевод известной азербайджанской пословицы - «*İgidin adını eşit, üzünü görmə*». Когда же увидел нашего героя воочию, меня просто поразили его огромная влюблённость в музыкальное наследие родного народа и невероятное стремление познать его законы с позиций указанной дисциплины, новой для Азербайджана даже в наши дни. В усилении моего интереса к этномузыкологии, а позже и в приобретении её методов роль и личный пример Фаика были решающими. Путь этот для меня был несколько необычным, в то же время, благодаря авторитету Ф.Челеби, достаточно простым и естественным.

Мне и сейчас трудно найти то общее, что так крепко связывало нас, двух совершенно различных по характеру индивидуальностей. Причины нашей дружбы лежат, наверно, где-то в глубинах этномузыкального знания, точнее в сочетании двух его направлений – *музыкальной теории и антропологии*. Правда, мы подходили к исследованиям с разных позиций, но всегда шли навстречу друг другу. Фаик шёл из *этномузыкального знания к теории музыки*, а я, наоборот, чтобы достичь желаемого единства внутри дисциплины.

Однажды, в начале 1980-х годов, в беседе со мной Фаик почему-то с радостью определил мою профессиональную ориентацию. И как человек открытой натуры, он делил своё маленькое «открытие» с друзьями, среди которых было и немало педагогов. «Фаттах – теоретик!» - часто повторял он. «Если теоретик, значит не этномузыковед.» - думалось мне: и вопрос «Почему всё так сложилось?» - заставил меня задуматься о сущности этномузыкального знания и её значении для судеб музыкальной науки. Ибо широко

известной и простой формулы «*изучение музыки в культуре*» было недостаточно для ясного понимания новых перспектив азербайджанской музыкальной науки.

В то же время Фаик очень точно определил мою склонность к теоретическому осмыслению музыкального творчества, наряду с интересом социально-культурному контексту, основному объекту музыкальной антропологии.

По долгу своей специальности мне приходится часто ездить по районам и сёлам Азербайджана. Но почему-то больше всего побывал в Шеки, в уютном городе со своеобразным колоритом и культурой, неповторимым природным и архитектурным ландшафтом. И каждый раз непременно заходил в гостеприимный дом известного тюркского рода Челеби, где по добром обычаю проводил летние отпуска и сам Фаик муэллим. За чайным столом мы часами беседовали, обменивались новостями и публикациями. Темы наших бесед сосредотачивались на музыке, этномузыкознании и текущей научной жизни Санкт-Петербурга и Баку. Дорогой профессор из Питера наиболее интересные разговоры (а неинтересных разговоров у него просто не было!) начинал с такого восклицания-обращения «Ай Фаттах, ты знаешь? (...)» - «*Ay Fəttah, bilirsən?(...)*». И согласно законам устного творчества я затаив дыхание, слушал речь профессора, записывая всё исключительно на свою память. Конечно, мне запомнились не все детали, но незабываемые беседы и рекомендации УСТАДА, и главное, удивительно тёплая атмосфера наших встреч навсегда остались в моем сердце.

Хочется сказать ещё об одном случае, который навсегда врезался в мою память и помог мне лучше разбираться в тонкостях этномузыкологии. В одной из экспедиций Азербайджанской национальной консерватории в Шеки нам предстояло записывать знаменитых зурначей района. Фаик Челебиев находившийся в летнем отпуске, узнав об этом, также пришел в Дом культуры и словно генерал на поле битвы стал управлять «народом». Как жаль, что мы не имели второго видео-аппарата, чтобы запечатлеть великолепную полевою работу Устада. Это был мастер-класс высочайшего класса, который заставляет пересмотреть распространенное на Западе и описанное в учебниках положение о том, что фольклорные и традиционные исполнители являются *информантами, консультантами и учителями*. Да, я согласен, информантами в тот день были и наши музыканты-зурначи, но в качестве консультанта и учителя выступал, безусловно, многоопытный ас, славный Питерский профессор шекинского происхождения.

Указанный выше постулат, видимо, адресован студентам или начинающим этномузыковедам. Высокое мастерство Ф.Челеби доказало, что настоящие специалисты, начиная со студенческой скамьи, должны стре-

миться совершенствовать технику полевых работ и подняться по своим знаниям выше исполнителей.

Азербайджанская школа этномузыкознания, включая её ярких представителей, ещё не получила должной известности за пределами СНГ. Однако, думаю, что великая фигура её гениального основоположника – Узеир бека Гаджибейли заслуживает самого серьёзного отношения со стороны авторитетных ученых Запада и всего мира.

В этом плане, работы доктора искусствоведения, профессора Фаика Челеби также способны достойно представлять азербайджанскую науку и культуру в широких масштабах всего мирового этномузыкознания. Несравненная фигура музыканта, учёного и педагога, особенно дорога для исследователей его родной культуры.

Эпилог. Уход блестящего музыканта и учёного, замечательного педагога и настоящего друга с болью отозвался в сердцах многочисленных коллег, студентов и покровителей уникального таланта Фаика Челеби. Его добрый, благородный, мужественно открытый и честный образ всё ещё живет в наших умах и сердцах. Как не хватает нам принципиального и доброжелательного Устада.

...Лет двадцать тому назад незабываемый Фаик муэллим завершал одну из своих статей устами шекинца, который, как и он сам, оказался вдали от родной земли:

Sənə qurban olum, Şəkinin yolu...

Конечно, мы не станем утверждать, что та же обыденно простая, а сейчас больно трогательная строка звучала и в устах крупного ученого и музыканта. Однако, уверен, что беззаветная сыновья любовь к Родине до последнего дыхания не покидала его, который все свои силы и талант посвятил развитию науки и культуры Азербайджана и всего человечества.

Вспоминая молодого и жизнерадостного Фаика Челеби, не верится свершившемуся. Трудно представить себе питерского азербайджанца даже слегка заболевшим и слабым. И когда незабываемый друг и коллега приснился мне, (для астрологов запомнил точную дату - 21 августа) я увидел его опять здоровым, добрым и веселым. Как всегда, он говорил живо, лицо улыбалось, а глаза горели. Хочется... ан нет, я просто уверен, что Фаик Челеби всем почитателям его таланта запомнится именно таким. И яркая путеводная звезда учёного ещё долго будет освещать дальнейшее развитие азербайджанского этномузыкознания.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Hacıbəyov Ü. Ə. Azərbaycanda musiqi tərəqqisi. Seçilmiş əsərləri. B.: Yazıçı, s.194-204
2. Hacıbəyov Ü.Ə. Azərbaycan musiqi həyatına bir nəzər. / Seçilmiş əsərləri. B.: Yazıçı, s.184-194
3. Çələbi F.İ. Bir ekspedisiyanın tarixi haqqında. // “Elm və həyat” jurnalı. 2012, No. 7, s.18-19
4. Çələbi F.İ. Dil kəlmə-kəlmə deyər.// ”Sovet kəndi” qəzeti. 1avqust. 1981, No.93(5735), s.4
5. Çələbi F.İ. Şəki folkloruna bir nəzər. Azərbaycan Folkloru Antologiyası. VI kitab, II cild, Şəki folkloru. Ön söz. B.: 2002. s. 3-343.
6. Челебиев Ф.И. «Марал оюну» («Дэвэ оюну»), «Килимарасы» – традиционный кукольный театр азербайджанцев. // Зрелищно-игровые формы народной культуры. Л., 1990, с.222-234
7. Челеби Ф.И. Образ Кероглу в традиционной культуре азербайджанского народа. / Судьбы традиционной культуры. Сборник статей и материалов памяти Ларисы Иевлевой, СПб., 1998. с.220-253
8. Челеби Ф.И. Рагс дастгяхы – многочастная циклическая композиция инструментальных танцевальных мелодий. / Azərbaycan muğamşünaslığı. Problemlər. Perspektivlər. B.: Təknur, s.141-152
9. Huseynova A.N. Azerbaijani Music: from Mugham to Oprera. Indiana University Press. 2016, 326 p.